

О ПОСТАНОВКЕ

Театру имени Вахтангова при работе над «Авангардом» пришлось столкнуться с большими трудностями. Пьеса Валентина Катаева по своей структуре представляет собой очень сжатое, скупое, медленно развивающееся сценическое произведение. В отличие от своей пьесы «Квадратура круга», сделанной на кратких комедийных диалогах, развивающихся в быстром темпе, Валентин Катаев почему-то в своей новой пьесе пустил в ход весь арсенал средств, свойственных психологически-неврастеническому театру прошлого, с его заведомой обреченностью главного героя, с его медлительной и затрудненной сценической речью и нарочитой медлительностью поступков. И в виду того, что новое содержание и новая тема о колхозном строительстве органически не вписываются в эту старую форму, получились неизбежный разрыв между задачей и намерениями автора и его текстом. Этот прорыв и должен был заполнить театр.

Театр имеет свой язык и мог бы дополнить автора там, где он уклонился от задачи показать облик новых людей, показать быт коммуны «Авангард». И, прежде всего, в массовых сценах, в характеристике тех людей, чьи руки строят коммуны. Помог ли здесь автору театр?

Нет, не помог. Массовые сцены, которые в этом театре умеют строить (вспомним хотя бы «Разлом» или «На крови»), на этот раз бледны, масса сделана «тойной», на одно лицо, границы между старыми коммунарами и толпой новых пришельцев в коммуны нет.

В центральной сцене убийства Майорова театр не только не выполнил автор в его желании углубить «обреченность» этого стойкого строителя коммуны, но даже построением толпы по хаотичному кругу, тяжестью ее поступи и медлительностью наступления на свою жертву, подчеркнул сугубо намерение автора дать очень тяжелую и рассчитанную на трепку нервов картину убийства.

Театр не помог автору и в другом — не ослабил той схематичности построения сценария, когда из первых же слов первого акта известны все содержание всех последующих сцен. Не раскрыл театр и самый быт коммуны, не показал ее производственного лица, и, кроме монастырских построек первого акта и кромешной груды кирпичей во втором и золотяще-

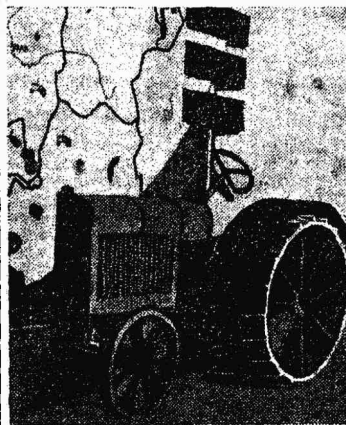
гося моря ржи в последней картине (со всем АХРовский пейзаж!), — зритель ничего не увидел и в коммуне «Авангард».

Не радует на этот раз и работа художника Н. Акимова. От серебристых кругов «Коварства и любви» и всей «красивой» изощренности этого спектакля Н. Акимов ударился в другую крайность — сознательное упрощенчество и «монашескую» скромность паряда. Смесь натурализма и условности — плохая эклектика (соединение различных форм), помесь соломой с железом. Его «индустриализм» в сценах на заводе — игрушечный, а кирпичи в сценах деревенских пытаются быть «настоящими». В общей композиции спектакля нет единого подхода, все сделано из кусочков, в разной манере и различных планах. Весь передний план спектакля заняли две фигуры — Чорбы и Майорова, нашедших в актерах Глазуновых и Шуклиных очень хороших исполнителей. В особенности крепка и насыщенная игра Шуклина, давшего очень запоминающийся образ стойкого, мужественного рабочего, тесно связанного со своим классом и в то же время имеющего свой очень своеобразный, яркий облик. В игре Глазунова правильно был раскрыт характер Чорбы, его узкая хозяйственность и

любовь к «своим» вещам и только в сцене с празраком убитого Майорова произошла вдруг откуда-то излишняя нервность, воскресившая на миг леонид-андреевские «ужасы», от которых мне страшно.

Итог — неутешительный. В работе над «Авангардом» театр им. Вахтангова обнаружил какое-то внутреннее колебание и смущение перед новой темой. Очень крепкое мастерство театра дало заметную трещину. Надо думать, что это вредная заминка, и театр все же найдет свою дорогу среди усложнившихся театральных проблем современности. Во всяком случае работа над «Авангардом» дала театру больше нужного опыта, чем работа над Шиллером.

М. ЗАГОРСКИЙ.

Деталь выставки к пьесе «Авангард».

«РАБОЧИЙ И ИСКУССТВО» - 1930, - 5 апр.